

2. В.И. Шаховский

Волгоградский государственный педагогический университет, г. Волгоград

2. V.I. Shakhovsky

Volgograd state pedagogical University, Volgograd

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ/ЭМОТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (ЕСТЬ ЛИ НЕЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ?)

AFFECTIVE/EMOTIONAL COMPETENCE IN INTERCULTURAL COMMUNICATION (ARE THERE UNEMOTIONAL CONCEPTS?)

Ключевые слова: культура, эмоциональная / эмотивная компетенция, коммуникация, концепт

Keywords: culture, emotional / emotive competence, communications, concept

Эмоции – это межкультурный референт, репрезентация и адаптация которого варьируются в разных лингвокультурах. Все культурные (как национальные, так и общечеловеческие) концепты эмоциональны. Для успешной межкультурной коммуникации необходимы эмоциональная и эмотивная компетенции речевых партнеров.

Emotions are an intercultural referent, which representation and adaptation vary in different lingua-cultures. All cultural (both national, and universal) concepts are emotional. There is both emotional and emotive competence of interlocutors necessary for any effective intercultural communications.

«Вспомнив о значении творчества, человечество должно вспомнить и о языке сердца».

«... есть предел слов, но нет границы чувств и вместимости сердца».

Н. Рерих. Твердыня пламенная

Культура – это всеобъемлющее и всеобъединяющее понятие и действенная сила, на основе которой все виды творческого проявления человека как мыслящего существа смогут слиться в новом качестве и позволят человеку выйти на новый виток эволюционной спирали. По мнению Н.К. Рериха, Культура представляет собой синтез Искусства, Науки и Религии (Рерих, 1998: 5).

Лингвистика как часть общей науки вносит свой посильный вклад в изучение Культуры, ибо это – наука о языке, который с одной стороны сам

является таксоном культуры, а с другой – формализует знания о ней, транслирует их от поколения к поколению и актуализирует.

Обращение лингвистики к культурным ценностям, доминантам, концептам как к культурам, в понимании В.Г. Гака, позволило наиболее полно осознать, что язык является формой самовыражения народа, и что эта форма – национально специфична и асимметрична (Гак, 1998: 139-145), и поэтому при межкультурном общении существуют коммуникативные сбои.

Наибольшую трудность в таком общении представляют различия в эмоциональных формах самовыражения межкультурных партнеров.

Если принять мнение о том, что концепт, в отличие от понятия, облигаторно имеет эмоциональную окрашенность, то получается, что все концепты – эмоциональны, как универсальные, так и этнические. Известно, что эмоции накладывают свой неизгладимый отпечаток на все результаты человеческой деятельности. А поскольку язык эти результаты упаковывает в свои формы, то он упаковывает в них и этот эмоциональный отпечаток, который также национально специфичен, оригинален, то есть неповторим (см.: Красавский, 2001: 339-366).

Психолингвисты, в том числе и отечественные (Клименко, Залевская, Гридин, Мягкова, Фрумкина и др.) уже давно выдвинули альтернативную к традиционной в лексикологии и стилистике точку зрения об оппозиции между эмоциональной и нейтрально окрашенной лексикой. С их точки зрения, вся лексика языка эмоционально окрашена (см., например: Мягкова, 2000). Понимание концепта как имеющего облигаторную эмоциональную составляющую в своем смысловом содержании является существенным аргументом в пользу справедливости мнения психолингвистов. Вербализация концептов рефлектирует их эмоциональные составляющие и фиксирует их в семантике языковых знаков, репрезентантов концептов.

Исследование П.С. Волковой показало, что во внутреннюю форму языка/слова входят эмоции (1997: 6). Уточнение понятия «внутренняя форма языка» как экстралингвистического феномена, позволило ей рассматривать эмотивность в качестве ядра диалектического взаимодействия внутренней и внешней формы языка и провести обоснование эмотивности условием организованности рефлексии, контролирующей поиск построения новых средств и орудий мышления *homo loquens/sentiens*.

В этой связи отмечу актуальный и перспективный в современной когнитологии биологический взгляд на язык и на теорию познания, достаточно точно представленный А.В. Кравченко, согласно которому основной функцией языка является не коммуникативная, а репрезентативная и адаптивная. По А.В. Кравченко, языковая презентация структур знания в виде концептуализации и категоризации является функцией биологической системы, служащей адаптации организма к окружающей среде (то есть формированию более релевантного типа поведения) (2001: 157-194; также: Хомская, Батова, 1998).

Среди множества функций у эмоций также отмечается регулятивная и адаптивная функции. Все это позволяет предположить, что эмоциональная

составляющая латентно присутствует во всех языковых знаках, во всех продуктах когнитивной деятельности, то есть и в когниции, и в ментальных и в речевых репрезентациях. Эту мысль, в других терминах, я уже высказывал ранее (Шаховский, 1986: 97-103).

Язык как трансмутатор тончайших биологических энергий не может не огрублять эмоции человека в процессе их упаковки в свои формы. Эмоция – недискретная сущность, а языковой эмотив – дискретен. Но эмотив – это всегда метонимия реконструируемой эмоции. Эмотив как языковой знак – это весьма условный и очень приблизительный репрезентант эмоции потому, что его культурным референтом в различных коммуникативных ситуациях может быть целый комплекс переживаний (рефлексий). Эмоции имеют изменчивую непрерывно-зонную структуру, их практически невозможно разграничить в самом акте переживания и поэтому Е.Н. Винарская, со ссылкой на Дж. Уильяма, считает, что их вообще нельзя исчислить (2001: 9-12).

Мнение интересное, но не новое: до сих пор в биологии и в психологии отсутствует глобальная библиотека эмоций (их инвентарий) и ученые все еще не единодушны в своих классификациях эмоций по признаку: положительные и отрицательные (типа, любовь – это хорошо, а ненависть – плохо). Линейная градуальная бивекторная шкала эмоций не выстраивается потому, что эмоции-оппозиты: любовь и ненависть в смысловом содержании смыкаются друг с другом (ср. современный хит «Я люблю и ненавижу тебя» и немецкий ном Hassliebe). Скорее всего, теоретики-эмоциологи должны попытаться построить круговую шкалу эмоций, а теоретики-эмотиологи круговую шкалу их номов.

Поскольку каждый народ, в соответствии со своим духом (по Л. Вейсгерберу и В. Гумбольдту) на один и тот же реальный мир набрасывает свою собственную сетку эмоциональных координат (индексов, трендов, дейксисов), то в результате создается впечатление о Вавилонской башне эмоционально-языковых различий, препятствующих межкультурной эмоциональной коммуникации. Эта проблема помимо чисто культурных различий осложняется еще и тем, что никакое общение без эмоций практически невозможно. Для межкультурного общения эмоции как культурные референты в силу этнических особенностей их смысловых языковых форм действительно представляют серьезное препятствие для коммуникативного успеха. При этом необходимо различать две сложности, которые могут накладываться друг на друга: понимание эмоционального инокультурного высказывания и эмоциональное понимание инокультурного высказывания.

Ср.: *shut up, will you u shut up, won't you*. Как отмечает А. Вежбицкая, только носители языка знают разницу между этими двумя «тэгами» (tag): *won't you shut up* звучит саркастично, но смягченно за счет столкновения грубой семантики *shut up* с вежливой семантикой *won't you*. *Will you* в аналогичных ситуациях и дистрибуциях сравнимо с употреблением бранной лексики и эксплетивов. Ср.: *So just move out, will you?* (жена, выбрасывая

своего мужа из их дома) (Wierzbicka, 1985: 156-160). Иноязычный реципиент в своей эмотивной компетенции таких тонкостей может не иметь и тогда его понимание этих фраз не будет эмоциональным и в общении возникнет лакунарность.

Для преодоления этого препятствия межкультурные партнеры – бикультурные языковые личности – должны обладать адекватной эмоциональной эмотивной компетенцией. Она включает:

- 1) знание общих лингвокультурных кодов эмоционального общения
- 2) знание эмоциональных доминант этих кодов в форме эмоциональных концептов
- 3) знание правил code switching и их корреляцию с общечеловеческими/национально-культурными ценностями
- 4) знание маркеров эмоционально-этнической идентификации речевых партнеров правил эмоционального общения с ними.
- 5) знание и владение средствами номинации, экспрессии и дескрипции своих и чужих эмоций в обоих лингвокультурных кодах.

Эмоциональная компетенция языковой личности приобретается через жизненный опыт и в реальной коммуникации, а эмотивная компетенция – через научающую и художественную коммуникацию (Шаховский, 1999).

Поскольку эмоции оценочны, то все концепты содержат в себе и оценочную составляющую, которая отражает ценностность эмоционально рефлексивной культуры для данной языковой общности. С этой точки зрения концепт является камерой хранения эмоциональной памяти народа о ценности культуры, из которой все последующие поколения извлекают, как из энциклопедии, необходимую для эмоционального общения информацию, даже при наличии динамики содержания концептов в плане диахронии, которая неизбежна во времени (Красавский, 2001).

Асимметрия смыслового содержания в национально-культурных вариантах одного и того же эмоционального концепта является значительно меньшим коммуникативным препятствием по сравнению с эмоционально-культурной лакунарностью. В кинофильме «Сибирский цирюльник» американка, прибывшая в Россию к своему дядюшке-изобретателю и все время сталкивающаяся с культурным шоком, просит генерала – директора юнкерского училища раскрыть содержание русского слова «запой». Генерал ей, схватившись за голову обеими руками, отвечает экспрессивным междометием: «*Это – о-оо-о-о!*» (по образцу речевых моделей Элочки-людоедки). Объяснение этого слова требует пространного культурного комментария через подробную дескрипцию соответствующего эмотивного дискурса. И, только войдя с помощью провокации этой американки в реальный вербальный и поведенческий акт застоя, генерал сумел продемонстрировать базовые признаки, идентифицирующие этот русский концепт.

Е.В. Димитрова на примере другого типично русского концепта «тоска» убедительно доказала, что он не имеет абсолютных эквивалентов во французской лингвокультуре. Его эмотивные смыслы транслируются туда

посредством частичных – мозаичных эквивалентов, только в своей сверхсуммативности способных к репрезентации смыслового потенциала русского концепта «тоска» и его эмоциональной составляющей (Димитрова, 2001: 4).

При этом процесс трансляции смыслов на ксенокультуру осложняется тем, что в различных эмотивных дискурсах актуализируется каждый раз всего лишь одна эмоционально-смысловая доминанта с параллельной активизацией в сознании русской языковой личности в качестве эмотивного фонда всех остальных смыслов. Эти последние в полном наборе на французскую ксенокультуру никогда не транслируются: туда передается либо один доминирующий смысл, либо группа смыслов, которую, как справедливо и обоснованно отмечает Е.В. Димитрова, «нельзя охарактеризовать как отражающую весь спектр смыслов (в том числе и эмоциональных – В.Ш.) русского концепта «тоска» (2001: 4).

При межкультурном общении эмотивные потери неизбежны вообще (см. подробнее: Шаховский, 1997: 132-151) еще и потому, что иноговорящий реципиент при восприятии транслированных из русской лингвокультуры смыслов оперирует, т.е. переводит их с помощью *code switching* на свой культурный код, исключительно своими культурными коннотациями.

А усугубляется эмотивная девиация смысла сообщения между языком – отправителем и языком – рецептором еще и тем, что системное значение слова в сознании обоих партнеров – носителей этих языков представлено их личностными смыслами, основанием для которых являются индивидуальные знания партнеров о семантических признаках эмоционально-культурной составляющей того/иного слово-концепта.

Вл. Набоков пишет: «на русском языке при помощи одного беспощадного слова можно выразить суть широко распространенного порока, для которого три других знакомых мне европейских языка не имеют специального обозначения» (1993: 290). Вл. Набоков совершенно прав, что отсутствие того/иного слова в словаре не всегда означает отсутствие соответствующего понятия (как и в выше приведенном примере со словом «тоска»). Однако это всегда мешает полноте и точности его понимания иноязычным партнерам (это доказано экспериментально в: Высочина, 1997: 18). Как и в случае со словом-концептом «тоска», русское слово-концепт «пошлость» имеет множество смысловых оттенков, которые «рассыпаны в ряде английских слов и не составляют определенного (адекватного русскому набору смыслов – В.Ш.) целого» (Набоков, 1993: 291).

Проанализируем семантические идентификаторы этого слово-концепта в данном эссе Набокова, в словарных дефинициях и в переводных словарях:

а) через малый синтаксис (*пошлости мир, круг, струя, липкость, дух, демон; пошлость научная, общественная, легендарная, всемирная, вакуума*), через словообразовательное поле (*пошляк, пошлячка, пошлый, пошлятина, пошло*),

б) через толкование слова *пошлость* = *то, что является пошлым (человек, общество, среда, анекдот, тон, усмешка и т.д.)*:

1. *низкий, ничтожный в духовном, нравственном отношении*
2. *неприличный, непристойный*
3. *неоригинальный, банальный, избитый*
4. *безвкусый, вульгарный, грубый* (БТС, 1998: 950)
5. *пошлый = низкий в нравственном отношении, безвкусно-грубый* (Ожегов, 1997: 528).

в) через его перевод на английский язык:
пошлый = commonplaceness, banality, triteness
какая пошлость = how petty
пошляк = vulgar person (РАС, 2001: 581)

г) через перевод на немецкий язык:
пошлость = Platttheit; Abgeschmacktheit
пошлый = platt, flach, abgeschmackt
пошляк = fader Kerl, Sie benehmen sich unanstaendig! (РНС, 2000: 460)

Уже только этих дефиниций достаточно, чтобы носитель русской лингвокультуры убедился в том, что «все врут словари» (как и календари): в индивидуальном сознании гораздо больше эмоциональных смысловых оттенков слово-концепта, чем зафиксировано в словарях для воспроизведения и активации в процессах общения. Кстати, с другой стороны, уже только из словарных дефиниций и малого синтаксиса воспроизведений и активаций этого слово-концепта видна обширная сфера широко распространенного человеческого порока. Это подтверждает и художественная литература, и отечественная реклама по СМИ, и многочисленные ТВ программы (Например, «Большая стирка» с ведущим пошляком А. Малаховым, и все PR-овские трюки – питомник отечественной политпошлости как антипод политкорректности).

Анализ вышеперечисленных источников позволил составить семантический портрет слово-концепта «пошлость». Его эмоционально-составляющие индикаторы таковы: *банальность, бездуховность, фальшивость, манипулятивность, хитрость, липкость, безнравственность, грубость, безвкусность, неприличность, вульгарность, внешняя картинность.*

Сферой реализации всех этих индикаторов в различных сочетаниях является неискренний эмотивный дискурс (например, рассмотренное Вл. Набоковым поведение П.И. Чичикова в «Мертвых душах» Гоголя).

Пошлость всегда предусматривает игру на чувствах ее реципиентов, игру на внешних эффектах, скрытость, таинственность мотивов даже через внешнее самоуничижение и привлечение на помощь прописных истин, ложных предпосылок и лести.

Короче говоря, как считает Вл. Набоков, в пошлости заключена дьявольщина. И далее он заключает:

«С той поры, когда Россия начала думать, все образованные, чуткие и свободомыслящие русские остро ощущают вороватое, липкое прикосновение пошлости» (Набоков, 1993: 29).

В английском языке отсутствует соответствующий языковой эмотив как специальное обозначение пошлости в русском смысле.

На этом примере достаточно убедительно видно, что сложнейшей проблемой интерлингвистики является проблема интерференции эмоциональных картин мира в головах межкультурных коммуникантов под влиянием различий в их эмоциональном интеллекте.

Суммируем вкратце основные выводы проведенного исследования:

1) Эмоции – это межкультурный референт, репрезентация и адаптация которого варьируются в разных лингвокультурах и потому заслуживают изучения и осмысления через последовательное распредмечивание всех эмоциональных концептов.

2) Все культурные концепты эмоциональны (как национальные, так и общечеловеческие).

3) Для успешной межкультурной коммуникации необходимы эмоциональная и эмотивная компетенции речевых партнеров.

4) Оба вида этой компетенции – часть интеллекта/менталитета речевых партнеров. Они распространяется только на воспитанников своей культуры, за пределами которой, внутри зданий других культур, этим знаниям языковых личностей надо обучать специально как внешним знаниям. Кто это будет делать? Мы – лингвисты. И они – методисты и преподаватели, то есть опять же мы с вами, вузовские лингвисты-преподаватели.

Литература

1. Волкова П.С. Эмотивность как средство интерпретации смысла художественного текста. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997.
2. Винарская Е.Н. К проблеме базовых эмоциональных концептов // Вестник ВГУ, №3. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001
3. Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование). – Авторефер. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2001.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.
5. Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.
6. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. – Иркутск, 2001.
7. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград, 2001.
8. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории. – Дисс. ... док. филол. наук. – М., 2000.
9. Набоков В. Николай Гоголь // Романы. Рассказы. Эссе. – СПб., 1993.
10. Рерих Н.К. Твердыня пламенная. – Ростов-на-Дону, 1998.
11. Хомская Е.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. – М., 1998.

12. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания, 1984, №6.
13. Шаховский В.И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста // Перевод и коммуникация. – М., 1997.
14. Шаховский В.И. Американская литература в эмоциональном осмыслении // Americana: вып. 3 «Проблемы преподавания истории и культуры США». – Волгоград, 1999.
15. Wierzbicka A. Different cultures, different languages, different speech acts // Journal of Pragmatics. № 9, 1985.

Лексикографические источники

1. Большой толковый словарь русского языка. – СПб, 1998. (БТС).
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1972.
3. Русско-английский словарь. – М., 1962 (РАС).
4. Русско-немецкий словарь. – М., 1977 (РНС).
- 5.

References

1. Volkova P.S. Emotivity as a means of interpreting the meaning of a literary text. - Avtoref. Diss. ... Cand. philol. Sciences. - Volgograd, 1997.
2. Vinarskaya E.N. To the problem of basic emotional concepts // Vestnik of Voronezh state University, №3. Series of linguistics and intercultural communication. -Voronezh, 2001
3. Vysocina O.V. Understanding of the importance of foreign words (psycholinguistic study). - Avtoref. Diss. ... Cand. philol. Sciences. - Voronezh, 2001.
4. V.G. Gak Language conversion. - M, 1998.
5. Dimitrova E.V. Broadcast emotive meanings of the Russian concept of «Tosca» in the French linguistic culture of France. - Avtoref. dis. ... Cand. phil. Sciences. - Volgograd, 2001.
6. Kravchenko A.V. Sign, meaning, knowledge. - Irkutsk, 2001.
7. Krasavsky N.A. Emotional concepts in German and Russian language cultures: - Volgograd, 2001.
8. Myagkova, Emotionally-sensual component values words: questions of the theory. - Diss. ... doctor philolog. Sciences. - M, 2000.
9. Nabokov Nikolai Gogol // Novels. The stories. The essay. - SPb., 1993.
10. N.K. Roerich [Tverdnyya plamennaya] Fiery Stronghold. - Rostov-on-don, 1998.
11. Khomskaya D.U., Batova N.Ya. Brain and emotions. - M, 1998.
12. V.I. Shakhovsky Value and emotional valence of language and speech units // problems of linguistics, 1984, №6.
13. V.I. Shakhovsky About translating emotive meanings of artistic text /Translation and communication. - M, 1997.
14. V.I. Shakhovsky American literature in the emotional comprehension // Americana: vol. 3 «Problems of teaching U.S. history and culture». - Volgograd, 1999.

15. Wierzbicka A. Different cultures, different languages, different speech acts // Journal of Pragmatics. № 9, 1985.

Lexicographic sources

1. Explanatory dictionary of the Russian language. - St. Petersburg, 1998. (BPS).
2. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. - M, 1972.
3. Russian-English dictionary. - M, 1962 (RAS).
4. Russian-German dictionary. - M, 1977 (SEB).

(0,4 п.л.)